

и роль беседующих, впервые, может быть, встретившихся вместе. Сначала Паисий Лигарид, а затем Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий обращались с вопросами к Спафарию. Со своей стороны и Спафарий пытался задавать вопросы; на них отвечал Епифаний, который в беседе выполнял роль авторитетного разъяснителя; заключения его никем не оспаривались.

Положение Николая Спафария было довольно затруднительным. Его образованность была схоластической, но все-таки имела светский характер. Богословие он знал постольку, поскольку в средние века наука и образование были проникнуты богословским содержанием, но специально богословия он не изучал. На это во время беседы указал Паисий, а Спафарий подтвердил это: «Такое есть» (л. 233а). Между тем ему приходилось отвечать на вопросы «присных» богословов, какими были остальные три собеседника. На помощь Спафарию иногда приходил Паисий Лигарид, на что ему заметил Полоцкий: «Вскую, владыко, наставляеши, сам да ответствует» (л. 235).

Цель, какую преследовали Епифаний и Полоцкий в своих казуистических вопросах к Спафарию, была, думается, не в том, чтобы проверить чистоту православия в религиозных верованиях Спафария. Надо предполагать, что им были известны письма, в которых патриарх Досифей рекомендовал царю Спафария как человека с строго православным образом мыслей.⁷ Скорее всего Полоцкий и Епифаний пытались выявить способность Спафария именно к словесному «состоянию», к умению разбираться в логических построениях и с помощью логики опровергать выводы противника. Недаром, когда Спафарий не мог опровергнуть силлогизм Славинецкого в вопросе о триничности божества, Епифаний заявил ему: «Аще ли по образом философским и богословским не веси ответити, не имам тим с тобою глаголати» (л. 233а). То же в сущности произошло и с силлогизмом о «совершенстве» Христа, с которым Полоцкий также обратился к Спафарию (л. 236).

Один из вопросов, адресованных Спафарию, касался догмата католицизма об исхождении святого духа от бога отца и сына. Полоцкий спросил об этом Спафария из желания, как он указал, «како мы, благочестивии, имамы римляном ответовати на сие» (л. 235). Спафарий не мог ответить на этот вопрос, и ему был дан срок, «да добре помыслив, ответ сотворит». Далее, когда речь зашла о латинских терминах в богословии, Спафарий заявил: «Аз греческия слушах богословии, не латинския, того ради не вем терминов латинския богословии». На это Паисий Лигарид неожиданно заметил: «Что глаголеши, господине Николае? Едина есть богословия греком и латином».

Все это, по-видимому, является отражением той борьбы с «латинством», которая в то время волновала московских церковных деятелей, а позднее распространилась и захватила и светских людей. Что касается Паисия, то его реплика, может быть, вызвана была попыткой несколько оправдать себя в своих прежних связях с «латинами».

Беседа названных деятелей представляет непринужденный разговор, сопровождаемый живыми замечаниями, выражающими как мнения, так и эмоции его участников. К тому, что приводилось выше, укажем еще некоторые примеры. На замечание Паисия: «Нечаянное се состязание» Полоцкий ответил: «Яко нечаянное, того ради приятн[ей]шее»; на это отозвался Спафарий: «Оубо смерть нечаянная приятн[ей]шая?» (л. 233а об.). Или спор Полоцкого с Паисием по вопросу о различии

⁷ См: там же, стр. 4.